

В то же время собственно социальность образования выступает как полифункциональная особенность, определяющая его своеобразную «многослойность». Общее направление развития заключается в переходе от преобладающего аналитического к синтетическому образовательному укладу, выражаемому в таких понятиях, как «образование в течение всей жизни», непрерывное образование. Это своего рода образовательный «мейнстрим» современности. Образовательное неравенство выступает как условие и одновременно следствие неравенства социального. Образовательные стандарты обоснованно воспринимаются как отражение необходимого и общественно признанного минимума содержания образования. Это то, меньше чего государство не может себе позволить потратить на своих граждан. Повышенные ожидания в отношении образования, возникшие в связи с изменениями технико-технического, экономического и социокультурного уклада, не будучи обеспеченными экономическими ресурсами, становятся источником конфликта – как минимум, в сфере общественных настроений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Привезенцев В.** Федеральные и национальные исследовательские университеты: создание интеллектуального потенциала страны // Образовательное право. – 2010. – № 13 (0507). – 1 апр. – С. 3.
2. **Леонтьева Э. О.** Институционализация неформальных практик в сфере высшего образования : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Хабаровск, 2010. – 46 с.
3. **Ветошкин А. П.** Духовная основа развития российской школы XXI века (проект концептуальных и базисных положений). – Екатеринбург–Москва, 2007. – 124 с.
4. **Наливайко Н. В.** Философия образования: формирование концепции. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2008. – 272 с.
5. **Пушкарёва Е. А.** Философский анализ интеграции образования и науки в современных условиях : моногр. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2008. – 216 с.
6. **Наливайко Н. В., Ушакова Е. В.** О роли образования в обществе XXI в. // Философия образования. – 2010. – № 1 (30). – С. 71–80.

УДК 378 + 13 + 316.6

ФЕНОМЕН ВИРТУАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

С. И. Черных (Новосибирск)

В статье рассматривается феномен виртуальной личности. На основе методологических установок постмодернизма, символического интеракционизма и разработок отечественной философии предпринята попытка рассмотреть феномен виртуальной личности как новый – образ информационной цивилизации. Проведенный анализ приводит ав-

Черных Сергей Иванович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ФГОУ ВПО «Новосибирский государственный аграрный университет». 630039, г. Новосибирск, ул. Добролюбова, д. 160.
E-mail: 2560380@ngs.ru

тора к заключению о необходимости социального контроля над работой в Интернете – с одной стороны, и социально-философского анализа феномена виртуальной личности – с другой. Статья связана с рассмотрением проблемы бытия виртуальной личности. Под виртуальной личностью понимается «мое видение самого себя как другого».

Ключевые слова: виртуальная личность, виртуализация образования, символическая интеракция, информационная цивилизация.

THE PHENOMENON OF VIRTUAL PERSONALITY IN MODERN PHILOSOPHY

S. I. Chernykh (Novosibirsk)

In the article the phenomenon of virtual personality is considered. On the basis of methodological approaches of postmodernism, symbolic interactionism and the studies of domestic philosophy, an attempt is undertaken to consider the phenomenon of virtual personality as a new “image” of the information civilization. The carried-out analysis leads the author to the conclusion about the necessity of social control over the work in the Internet, on one hand, and of the socio-philosophical analysis of the phenomenon of virtual personality, on the other. The article is connected with consideration of the problems of existence of virtual personality. Virtual personality is understood as “my vision of myself as somebody else”.

Key words: virtual personality, virtualization of education, symbolical interaction, information civilization.

Принципиальные изменения, объективно происходящие в современном мире, имеют в основании приоритетное развитие тех сфер, где не производятся ни материальные продукты, ни человеческие качества, ни феномены культуры. Это развитие того сегмента, где производятся как бы блага, которые принято считать полезными и которые действительно полезны только для виртуального мира – мира виртуальных благ виртуального рынка, виртуального финансового капитала, виртуальных политических и масс-медийных манипуляций, виртуальных субкультур и виртуальных личностей, как фантомов реальных «телесных» субъектов.

В связи с развитием Интернета процессы виртуализации проникли во все сферы и стали оказывать сильнейшее воздействие на общественную жизнь. Часто это воздействие носит настолько бесконтрольный характер, что становится предметом рассмотрения со стороны высших эшелонов политической власти. Одним из последних примеров может служить спор президентской администрации и правительственных структур вокруг данных спецслужб «о потенциальных угрозах национальной безопасности, связанных с неконтролируемостью сетевых сервисов Skype, G-mail и Hotmail. В силу того, что они применяют зарубежные шифровальные алгоритмы» [1]. Не менее острыми являются дискуссии по проблемам виртуализации различных сфер общественной жизнедеятельности и, в первую очередь, по проблеме виртуализации образования [2]. Признание факта виртуализации общества заставляет искать новые методологические под-

ходы к переосмыслению целей и ценностей образования, как традиционного, так и виртуального.

Виртуальное образование тесно связано с проблематикой символа, образа, симуляции, конкретно-образного и абстрактно-рассудочного знания, а также с переосмыслением роли воображения в жизни личности. «Виртуализация вытесняет реальность, находящую прибежище в человеке» – пишет А. Д. Король [3, с. 49]. Для прогнозирования динамики виртуализации общества и личности необходимо определение признаков виртуального, а также механизмов его становления и развития. Несмотря на то, что исследование виртуального началось со времени античности и Средневековья, практико-ориентированные методологические подходы к концептуализации виртуального возникли только во второй половине XX в. Виртуальное исследовалось с разных позиций, но на сегодняшний день в методологическом отношении наиболее мощным пластом исследования виртуального является философия постмодернизма (Ж. Бодрийар, Ж. Делез, Ж.Ф. Лиотар и др.) полагавшая, что феномен виртуального имеет скорее антропологические, нежели онтологические (так считает российская школа) основания. Тем не менее и в постмодернистских конструкциях (теория «симулякров») и в российских концептах (Д. В. Иванов) совмещается немало утверждений. Наиболее важным нам представляется следующее: логика виртуального общества интерпретируется (в подавляющем большинстве западных и отечественных исследований) как замещение реальных вещей и действий образами (в западной традиции симулякрами). При этом отмечается тенденция к большему объему таких замещений и активизации социальной роли образов. Игра этих образов, выступая на серьезном уровне, может инициировать сегодня значительные (в том числе и социальные) потрясения. Ссылаясь на известного западного аналитика, В. В. Аверьянов пишет, что «разработанный «Рэнд корпорэйшн» метод поведения революционно настроенной молодежи по образу роя пчел, рассыпающихся и собирающихся, исчезающих и нападающих согласованно и неожиданно, строится именно на новейших средствах связи и информации. Он срабатывает за счет технологического разрыва, преимущества хакерских команд революционеров над их коллегами в национальных спецслужбах. Для технологически отстающих такая бунтарская социальная среда выглядит как «безлидерная» Сеть. Хотя в действительности у такой якобы спонтанной сети есть и лидеры, и организаторы, и стоящий за ними субъект (заказчик)» [1]. Возникающая в рамках игры образов децентрализация и тяга к непосредственному опыту (особенно у молодежи), отказ от претензии на единое, объективное описание мира – все эти признаки присущи виртуальному пространству и бытию личности в нем. Очень концентрированно эти моменты выражены в «Декларации независимости киберпространства» Дж. П. Барлоу [4].

В российской школе виртуалистики принято выделять четыре основные характеристики виртуальной реальности: порожденность (виртуальная реальность создается активностью какой-либо другой реальности); актуальность (виртуальная реальность существует только актуально, в ней свое время, пространство и законы существования); интерактивность (виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реаль-

ностями, в том числе и с порождающей ее как независимые друг от друга); автономность. Это описано еще в 1986 г. Н. Носовым [5] и О. Генисаретским [6]. Эти характеристики применил к анализу феномена виртуальной личности Е. Горный. По его мнению, «российские разработки, посвященные виртуальной личности, распадаются на три основные категории: исследование психологии общения и конструирования идентичности в Интернете; отчеты пользователей Интернет, переживающих опыт виртуализации и их рефлексия над этим опытом; популярные практические руководства по созданию виртуальной личности» [7]. В этой же работе он указывает на то, что «основной недостаток большинства работ на тему виртуальной личности, написанных с психологических или социологических позиций – то, что они сосредотачиваются на частных аспектах проблемы. Целостное видение требует философской перспективы» [7] и предлагает свой набросок «общей теории виртуальной личности как творческой формы» [7]. В его построениях интересно многое, но один тезис подчеркивает основное сходство российской традиции исследования виртуальной личности с западной традиций особенно четко. Е. Горный считает виртуальную личность «в узком смысле <...> комплексом знаков, существующих в электронной среде, которая выступает носителем этих знаков», но при этом «виртуальная личность обладает двумя фундаментальными качествами: собственным именем и способностью к автономному действию». Все остальные качества, а их Е. Горный насчитывает тринадцать, имеют производный (от двух указанных выше) характер [7].

Действительно, целостное философское видение этой проблемы в настоящее время остро актуально. Количество пользователей Интернет растет в геометрической прогрессии. Несмотря на отставание в этом вопросе, количество пользователей Рунета и мировой сети в России к 2011 г. достигло 55 млн человек всех возрастов. В мировой традиции уже имеется опыт подсчета Интернет-доли в ВВП государства. Для России эта доля определена в 1,6 % от ВВП (примерно 19 млрд долларов). К 2015 г. доля Интернет – ВВП составит около 5 % от общего ВВП (без нефтегазовой составляющей) и интегрирует в себе интернет-торговлю, информационные и телекоммуникационные технологии, а также компьютерную обеспеченность и компьютерную грамотность населения (данные «Бостон глоб групп»). Появление принципиально нового типа информационного общества и развитие сетевых коммуникаций резко меняют характер социализации и, следовательно, формирования личностной идентичности. В рамках постмодернистских осмыслений реальности и феномена виртуальной личности эта проблема в ее решении во многом вторична. Эта вторичность особенно заметна, если для исследования онтологии виртуальной личности применить методологию символического интеракционизма.

Представители символического интеракционизма (Дж. Г. Мид, У. А. Томас, Г. Блумер, Ч. Х. Кули и др.) сформулировали на основе различия познания вещей и личностей в рамках социально-философского дискурса языка и культуры в их сигнификативной функции ряд оригинальных идей для понимания взаимодействия «Я» и «Другого». Цель концепта – осознание нашего отношения к «Другому» как к идее личности, а

не к тому, чем «Я» является на самом деле. Если конституирующие реальность интерпретации (знание) представляют собой символическое взаимодействие (результат) между двумя «Я», то первое «Я» как видение себя глазами других вызывает у меня ту же реакцию, что и у других. Если второе «Я» (мое видение – самого себя) является источником креативности, то первое «Я» задает позицию рефлексии по отношению к самому себе. Возникает цепь образов символического характера, позволяющая «Я» интерпретировать самого себя в любом сложном акте коммуникации. Но тогда «определение ситуации как действительной делает ситуацию действительной (так называемая теорема У. А. Томаса)»; «действия с символами предваряют практически-преобразовательные действия»; «социальная жизнь, в конечном итоге, есть продукт символических интерпретаций и ее исследование должно быть ориентировано на осмысление символических процессов действующих субъектов и поддерживающих это действие структур» [8]. Развивая эти идеи, А. А. Ивин утверждает, что символ для таких коммуникативных взаимодействий вполне представим как «идея, образ или объект, имеющий собственное содержание и одновременно представляющий в обобщенной, неразвернутой форме некоторое иное содержание». «Символ стоит между (чистым) знаком, у которого собственное содержание ничтожно, и моделью, имеющей прямое сходство с моделируемым объектом, что позволяет модели защищать последний в процессе исследования» [9]. Такое понимание символа продолжает традицию Г. Блумера в той ее части, которая постулирует одно из исходных оснований символического интеракционизма: во взаимодействиях людей приоритетным в конституировании реальности является символический тип взаимодействия. То есть в социальном взаимодействии мы имеем дело с их символами. «Символ в символическом интеракционизме есть модуль действия, а не средства передачи информации», считает Р. Л. Абушенко (цит. : по [8]).

Даже поверхностный анализ специфики общения в Интернет и примеры создания второго, виртуального «Я» типа Кати Деткиной [10] показывают, что в виртуальном мире субъекты взаимоприспосабливаются друг к другу через посредство создания «масок», производят «репетиции в воображении», способны в рефлексе «отстраняться от ситуации» и осознавать себя как отдельность, превращать себя в объект для самого себя, принять роль «себя другого» [11]. Именно поэтому в современной философской литературе ведутся интенсивные дискуссии о том, можно ли считать виртуальную личность личностью. Если в традиционной литературе личность определяется единством телесного и духовного, то виртуальный мир предполагает принудительное отсутствие телесности. Возникающая при этом полионтичность бытия личности рождает абсолютно новую тенденцию в ее развитии: возможность создания неограниченного количества взаимодействий как тиражирования «себя другого». «Виртуальная личность отличается от реальной тем, что она не имеет материального тела и состоит исключительно из знаков и действий (а также, подобно реальной личности из образов, мыслей и чувств, которые она порождает в психике наблюдений) <...> Виртуальная личность есть объект, которому приписывают качества субъекта, но статус существования которого не определен <...> «Виртуальное» здесь обозначает нейтрализацию между «реальным» и «не-

реальным» – пишет в своей «Онтологии виртуальной личности» Е. Горный [7].

Дальнейшее развитие аналогий между отечественными и западными концептами феномена виртуальной личности позволяет утверждать, что виртуальную личность продуктивно (для создания теории виртуальной личности) рассматривать в качестве искусственно создаваемого символа как некоторой подвижной системы функционально взаимосвязанных действий. Такая система, представленная как обозначение виртуальной личности, имеет основанием символическую интеракцию. Последняя рассматривается как действие на основе знаний, получаемых в интерпретациях. Виртуальный субъект живет в мире значений, а не стимулов. Смена значений означает смену мира, в котором находится виртуальный субъект. Объем значений предзадан субъекту тем внешним миром, из которого приходит субъект, поэтому игра привлекательна, если соответствует миру субъекта. Значения не только предзаданы, они даны субъекту как предписания. Горизонт видения этих предписаний определяется тем, насколько субъект их понимает. Если этих предписаний субъект не понимает или понимает ограниченно, он стремится интерпретировать их на уровне своего понимания, задавая при этом возможный вектора своего действия. Поскольку в реальном мире это сделать невозможно (или возможно, но далеко не всегда и не так), создается «новый» мир – мир симуляций, имеющий символический характер. Этот мир имеет виртуальный характер, но бытие бестелесного субъекта в нем носит реальный характер. Это совмещение делает виртуальность формирующей социальной практикой и дальнейшая информатизация общества только усиливает этот процесс. Сегодня явственно видна двойственность этой взаимосвязи [12]. На нее указывает О. Скородумова: «с одной стороны, стремление дистанцироваться от властных структур, а с другой – резкое неприятие вседозволенности» [13]. И хотя тезис О. Б. Скородумовой о том, что вторая тенденция имеет преобладающий характер прокламирован в статье, последние события [1] дают возможность в этом сомневаться. С одной стороны, жизнь в киберпространстве – это в высшей мере индивидуализированный опыт. Доступ к безграничным информационным ресурсам, мобильное общение и использование мультимедиа обеспечивают обратное – широчайшее пространственно-временное общение. Разъединяющий эффект, усугубление индивидуализма сочетается с огромными антисоциальными возможностями манипулирования виртуализированными субъектами. Последствия этого до сих пор не представлены (за исключением, пожалуй, психологии), поэтому хочется выразить надежду на то, что избежать отрицательных результатов виртуализации будет возможно, в том числе и за счет развития представлений социальной философии об означенном феномене. На наш взгляд, социально-философский анализ этой проблематики будет являться одним из приоритетов в формировании политики в области образования как стратегического момента в социализации личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аверьнов В. В.** ГКЧП-2, Беловежье-2 и другие сценарии // Аргументы недели. – 19 мая. – № 19 (260). – С. 8–9.

2. **Фомин А. П.** Образование как поле бифуркационного выбора будущего // Философия образования. – 2008. – № 2 (23). – С. 13–20.
3. **Король А. Д.** Дистанция в образовании: близко или далеко // Философия образования. – 2011. – № 1 (34). – С. 40–50.
4. **Барлоу Дж. П.** Декларация независимости киберпространства – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zhurnal.ru/stanff/gornu/translat/declare.html>
5. **Носов Н. А.** Словарь виртуальных терминов // Труды лаборатории виртуалистики. – М.: Путь, 2000. – 69 с. – Вып. 7 (Труды центра профориентации).
6. **Носов Н. А., Генисаретский О. И.** Виртуальные состояние в деятельности человека – оператора // Труды ГосНИИГА. Авиационная эргономика и подготовка летного состава. – М., 1986. – С. 26–54. – Вып. 253.
7. **Горный Е.** Онтология виртуальной личности. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zhurnal.ru/stanff/gornu/text/avr.html>
8. **Символический интеракционизм** // Социология: энцикл. – Минск: Книжный дом, 2003. – 909 с.
9. **Символ: философия: энцикл. слов.** // под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 766 с.
10. **Житинский А.** Виртуальная жизнь и смерть Кати Деткиной. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.litera.ru/slova/zhitinski/Kadet 1.html>
11. **Donath J. S.** Identity and Deception in the Virtual Community // Communities in cyberspace / ed. by M. A. Smith and P. Kollock. – London; New York; Routledge, 1999. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.smg.media.mit.edu>
12. **Черных С. И., Паршиков В. И.** Образование как реальность и виртуальность // Философия образования. – 2010. – № 1 (30). – С. 50–55.
13. **Скородумова О. Б.** Виртуальная личность и свобода // Вестн. МГУ. – 2004. – № 2. – С. 75–96. – Сер. 7 (Философия).

УДК 13 + 378 + 004

СУЩНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

С. В. Чирков (Новосибирск)

Становление информационного общества оказывает существенное влияние на профессиональную сферу. Следствием этого является возрастание роли изучения информатики и информационных технологий в высших учебных заведениях.

Целью обучения информатике и информационным технологиям студентов вузов является формирование их информационной культуры. Одним из направлений развития высшего образования в Российской Федерации является компетентностный подход. Он обуславливает изменение сущности информационной культуры студентов вузов.

В статье раскрывается сущность понятия информационной культуры студентов в контексте компетентностного подхода. Автор раз-

Чирков Сергей Витальевич – старший преподаватель кафедры информатики и дискретной математики ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет».

630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28.

E-mail: s.v.chirkov@yandex.ru